

От дома Рукавы до дома Сакураги — расстояние не близкое, но и не слишком далекое.

Обычно Сакураги сворачивал в сторону дома Ёхэя, по пути собирал всех парней из Армии Сакураги, и они шумной толпой отправлялись на станцию. При таком раскладе он ни за что не столкнулся бы с Рукавой, который добирался до школы на велосипеде.

Иногда, если Сакураги просыпал и опаздывал, он всё равно по привычке выбирал тот же маршрут, хотя прекрасно знал, что Ёхэй и остальные не стали бы его ждать и давно ушли.

И вот сегодня — впервые с того самого дня, как они впервые встретились на крыше, — двое парней стояли посреди улицы и буравили друг друга взглядами.

Сакураги ткнул пальцем в нос Рукаве, выплескивая на него всё раздражение, накопившееся за этот тяжелый день, и заорал:

— Дохлая лиса! Чего ты за мной увязался? Решил подождать, пока я облажаюсь, чтобы посмеяться?

Рукава, совершенно не понимавший, о чем речь, моргнул. Он даже не догадывался, что значит это самое «подождать».

В этом мире осталось не так много людей, способных невозмутимо парировать ярость знаменитого хулигана Сакураги Ханамити.

Но парень, стоявший перед ним — тот самый, что остановил велосипед и наклонился, чтобы подобрать жалкий упавший стаканчик, — был как раз из таких.

— Идиот, кому ты сдался, чтобы за тобой следить.

Сакураги расценил поступок Рукавы Каэдэ, который снизошел до того, чтобы помочь ему собрать рассыпавшиеся вещи, как признак «вины и нечистой совести».

Ну конечно! Если бы его пакет не порвался и содержимое не вывалилось на дорогу, этот лис, крадущийся следом, ни за что не позволил бы гению себя обнаружить.

Вот лис и решил загладить вину, прикинувшись паинькой. Точно, так оно и было.

И Сакураги, почувствовав правоту, начал бесцеремонно командовать Рукавой.

Рукава, вынужденный уйти из школы по делам, сам не понял, как стал бесплатной рабочей силой, а его розовый велосипед — транспортным средством. Сакураги набил корзину перед рулем всякой всячиной, тяжелые сумки пристроил на багажник и, словно кучер, заставил Рукаву везти вещи до самого дома.

Это был первый раз, когда Рукава увидел дом Сакураги.

Самый обычный домик на одну семью. Видимо, за ним давно не ухаживали: крошечный дворик был пустым — ни цветов, ни даже травы.

Будь на месте Сакураги кто-то другой, Рукава даже не взглянул бы в ту сторону. Но всё, что касалось этого идиота, почему-то вызывало у него привычное желание присмотреться и разузнать побольше.

Впрочем, зайти внутрь он не планировал. Рукава уже заготовил в голове пару едких ответов на

тот случай, если идиот предложит войти.

Однако, как только вещи были свалены у порога, идиот упер руки в бока и с важным видом заявил:

— Раз уж ты, лис, помог дотащить мои вещи, так и быть, этот гений проявит великодушие и не станет придирается к слежке. Можешь проваливать.

Слова, которые Рукава уже приготовил, застряли в горле из-за того, что противник сыграл не по правилам. Это его ужасно разозлило. У Рукавы вошло в привычку делать всё наперекор Сакураги.

Проваливать? Ха! Еще чего, не дождетесь!

Он поднял взгляд на Сакураги:

— Я так старался, помогал тебе вещи тащить, а ты меня даже не пригласишь? Не по-людски это.

Сказав это, он сделал шаг в сторону дома.

Теперь пришла очередь Сакураги паниковать. Он замахал руками, загораживая проход, готовый биться насмерть, лишь бы не пустить незваного гостя.

— Ты, ты, ты! Тебя никто не приглашал, как ты смеешь вваливаться без спроса!

Рукава остановился и уставился на него:

— У тебя дома что, скелеты в шкафу спрятаны?

Сакураги так заикался, что чуть не прикусил язык:

— Во-во-вонючая лиса! Это у тебя в доме скелеты! — в голове внезапно блеснула спасительная мысль. — Сам знаешь, меня долго не было, внутри всё запылилось, не могу я сейчас гостей принимать.

Сказав это, Сакураги мысленно похвалил себя: Я и правда гений!

— Лис, если уж так приспичило зайти, придется помочь мне с уборкой. У меня спина после травмы, нельзя перенапрягаться.

Рукава впервые видел Сакураги Ханамити таким — просящим о помощи. Он опешил и не сразу нашелся, что ответить.

Пока они стояли в нерешительности, Рукава вспомнил, ради чего ушел из школы. Он решил не тратить время на препирательства.

Так, под самодовольным взглядом Сакураги, Рукава уехал прочь.

Много позже, узнав случайно, куда именно ездил Рукава в тот день, Сакураги так расстроится, что долго не сможет прийти в себя.

В тот день Рукава, не найдя Сакураги, обнаружит его сидящим на корточках за фонтаном во дворе, обхватившим колени руками. Он прижмет красную голову к своей груди и скажет,

чувствуя вибрацию собственного голоса:

— Идиот, мне тогда было совсем не грустно. Что ты сейчас делаешь?

Красная голова не поднимется, лишь уткнется в грудь Рукавы, а плечи начнут вздрагивать от рыданий. Конечно, Сакураги не узнает, что после этого случая рубашка Рукавы будет окончательно испорчена.

Вернемся в ту осень, в первый год старшей школы.

Сакураги вернулся в свой дом, где было чисто и свежо — явно кто-то успел прибраться заранее. Кроме Армии Сакураги, некому было это сделать.

В хорошем настроении Сакураги начал разбирать вещи. Он был домашним парнем и никогда в жизни так надолго не покидал родные стены.

Хотя сейчас он жил один, даже после смерти отца, когда бабушка с дедушкой звали его в Хоккайдо, он отказался. Это место, где он родился и вырос, он не мог его бросить. И, к счастью, благодаря своей поразительной живучести, последние два года он справлялся неплохо.

Сакураги опустил на колени перед портретом отца и сложил руки:

— Пап, я так долго не был дома, ты, наверное, волновался? Я получил небольшую травму на матче, но уже поправился. Врачи сказали, что смогу играть, как раньше, — это просто здорово! Жди, скоро твой сын-гений покорит баскетбольную площадку!

Разбирая вещи, Сакураги наткнулся на стопку баскетбольных журналов и вздохнул.

Когда он не пускал Рукаву в дом, то, помимо нежелания сближаться с неприятным типом, боялся, что тот увидит эти журналы и потребует их назад. Когда Мицу-чан приходил его проводить, он сказал, что такие переводные издания в стране днем с огнем не сыщешь, а уж такую полную подборку — тем более.

Поэтому, даже узнав, что книги принес Рукава, Сакураги лишь пару дней поворчал, но не стал переносить свою неприязнь к лису на эти безобидные журналы. Наоборот, он переживал, что после выписки Рукава придет их забирать.

Как только Армия Сакураги выбралась из школы, они сразу заявили к нему домой.

— Ханамити, а как ты сам-то добрался?

— Вот невезуха, вчера вышли из зала игровых автоматов, а тут учитель прямо навстречу. Не успели даже ноги унести.

— Мы тут ленточки и хлопушки приготовили, чтобы встретить тебя из больницы, а они так и негодились, обидно!

— Ханамити, ты уже всё разобрал?

Сакураги, стоявший в фартуке у плиты, высунул из кухни:

— Откуда вы узнали, что я дома?

Ёхэй прошел в кухню:

— Нас только что отпустили, мы позвонили в лечебницу, а там сказали, что ты уехал сразу после обеда. Мы посчитали время и решили, что ты уже должен быть дома.

Сакураги довольно улыбнулся:

— Гений всегда действует быстро!

Ёхэй тоже рассмеялся:

— Да-да, конечно, гений Сакураги самый шустрый.

Такамия заглянул в комнату, озираясь по сторонам:

— Ханамити, ты на нас еду приготовил?

— Конечно, я даже сукияки сделал.

— Вау! Да здравствует Ханамити!

После ужина Нома убирал со стола, Окусу и Такамия мыли посуду, а Ёхэй помогал Сакураги.

— Ханамити, у тебя столько багажа, как ты довез? Мы вчетвером еле-еле донесли, когда забирали.

Сакураги виновато хихикнул:

— Да вот так и довез, не стоит меня недооценивать!

— Ну, Ханамити, ты теперь просто мастер на все руки!

— Ха-ха-ха, еще бы спрашивать!

Ёхэй сел на татами, скрестив ноги:

— Значит, завтра идешь в школу?

Сакураги как раз приводил в порядок шкаф, готовя школьную форму и спортивную одежду.

— Ага, рана полностью зажила. После уроков сразу на тренировку.

Он коснулся висевшей в шкафу майки Сёхоку под номером 10, и на душе стало так, будто прошла целая вечность.

— Ёхэй, как думаешь, если я так долго не тренировался, не разучусь ли я всему, что умел?

Ёхэй подпер голову рукой:

— Я в баскетболе не силен, но в любом деле, если долго не практиковаться, навык притупляется.

Сакураги прислонился лбом к дверце шкафа, чувствуя себя немного уязвленным.

Ёхэй добавил:

— Но ведь наш Ханамити — гений, который за пять дней сделал двадцать тысяч бросков! Даже если навык притупился, просто потренируемся подольше, и всё вернется, верно?

Услышав это, Сакураги, словно сдутый мяч, снова наполнился энергией. Он гордо поднял голову, упер руки в бока и расхохотался:

— Точно! Я же гений! Если отстал — буду тренироваться вдвойне, и однажды я всё равно одолею эту лису!

На следующее утро Сакураги надел школьную форму и, походкой, достойной настоящего гения, в отличном настроении отправился в школу.

Как и в то утро после победы над Сёё, у ворот школы он столкнулся с участниками баскетбольной команды, и даже Акаги с Когурэ, которые уже ушли из клуба, были там.

Все были несказанно рады внезапному появлению Сакураги. Мияги так разволновался, что чуть не хлопнул его по спине, но Мицуи вовремя его придержал.

— Ханамити, как же здорово, что ты вернулся!

— Ха-ха-ха, Рё-тян, Мицу-чан, вы, небось, скучали? Как же Баскетбольная команда Сёхоку могла обойтись без такого гения, как я!

В момент наивысшего ликования Сакураги заметил Рукаву, который, сонный, въезжал в школьные ворота на велосипеде.

<http://bllate.org/book/21490/2200160>